ЧТОБЫ узнать поэта, говорил Гете, надо отправиться в страну поэта. Увидеть личность Горького — величайшего художника, который создавал вечные ценности, помогают не только его художественные произведения, статьи, выступления, письма, документы, но и воспоминания о нем.

Издательство «Художественная литература» в «Серии литературных мемуаров» выпускает двухтомник «Максим Горький в воспоминаниях современников».

Воспоминания, включенные в первый, только что вышедший том сборника, рассказывают о юности Горького, о времени хождения его по Руси, об участии писателя в революции 1905—1907 годов и в Великой Октябрьской революции, о его большой общественной работе в первые годы Советской власти. Второй том составят воспоминания о советском периоде жизни М. Горького.

Предлагаем вниманию читателей одну из главок вступительной статьи (в сокращении).

И. ЭВЕНТОВ, А. КРУНДЫШЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. М. ГОРЬКОМ

ОСОБОЕ достоинство мемуаров заключается в том, что они дают возможность читателю мысленно воссоздать личность художника — его внешность, его наклонности и привычки, его богатый внутренний мир. Из мозаики воспоминаний складывается образ человека, который многочисленными нитями был связан с людьми, в каждом из них оставив свой большой или маленький след. Сам художник — из скромности, а иногда по обстоятельствам субъективного порядка — не может так много и подробно рассказать о себе, как это могут сделать неоднократно встречавшиеся с ним люди.

Внешний облик Горького — человека необыкновенной жизненной судьбы и громаднейшей популярности — не мог не привлечь к себе тех, кто с ним сталкивался и кто его наблюдал. Разумеется, по-разному воспринимался он в разные периоды жизни, в разных житейских условиях и в представлениях разных людей. Но всегда в нем было то сугубо индивидуальное, удивительное и необычное, что притягивало к себе окружающих и что стало в конечном счете предметом многочисленных описаний.

Вот молодой Горький, никому еще не известный сочинитель, на улице Тифлиса (1891 г.): «Широкоплечий, здоровый, несколько сутуловатый, высокого роста, в блузе, подпоясанной ремнем, с лицом невеселым, но решительным, он произвел на меня бодрящее впечатление, впечатление чего-то нового, а главное, оригинального. Резкий в мнениях, оригинальный во взглядах на вещи и явления, он был грубоват в манерах и движениях, что, впрочем, шло к нему». Автор этих строк С. А. Вартаньянц указывает, что при первой же встрече Горький своим внешним видом напомнил ему «сильного духом, мощного по фигуре Рахметова». Несколько по-иному, но в чем-то похоже видится он в те же 90-е годы А. Д. Гриневицкой, С. Г. Скитальцу, А. Е. Богдановичу, Н. Д. Телешову. Но главное, что даже во внешнем облике и молодого Горького, и во все последующие годы мемуаристы неизменно отмечали бойцовские черты.

С течением времени мемуаристы все чаще отмечают во внешности писателя контрастные, но необычайно характерные для его индивидуальности черты: с одной стороны, угловатость, нескладность, громоздкость фигуры, простонародные черты лица, с другой — непринужденность походки, обворожительную голубизну (или синеву) ласкающих собеседника глаз, удивительный артистизм, пластичность всей его фигуры. Любопытно, что это последнее качество подмечали чаще всего люди, сами в высшей степени наделенные художественным даром (например, К. С. Станиславский). «Бесчисленные портреты дают лишь смутное представление о внешности Горького. Он гораздо более изящен, чем его бумажные двойники, рассеянные по всему миру... Лицо у него матовое, светлое. И нет слова, которое могло бы передать сверхъестественный блеск его синих глаз», — пишет о Горьком А. Барбюс, пытаясь очистить образ его от всего приглаженного, хрестоматийного, полулегендарного, что приписывала ему людская молва. И сам Горький естественно, непринужденно, с большим достоинством освобождался от облика, навязанного ему нелегкой популярностью.

Удивительной красоты духовный облик Горького, своеобразие натуры писателя представляют нам его современники. Те, кто встречал его в юношеские годы, обращают внимание на его скромность, искренность, общительность, силу духа, чуткость, душевность. Свойства эти углублялись и оттачивались под влиянием времени, событий, общественных противоречий. В. Д. Бонч-Бруевич, впервые встретившийся с Горьким по поручению партии, отметил в нем «особую тайну привлекательности, исключительный и чрезвычайно редко встречающийся подход к людям. Он ставил и себя и слушателя в такое положение, что ничего другого не оставалось, как только уж если беседовать, то беседовать по душам, откровенно и идейно напряженно».

Душевный мир Горького, буревестника революции и неизменного защитника народных интересов, как явствует из многих воспоминаний, был сложен и глубок. С. Г. Скиталец замечает, что и в молодом Горьком «уже чувствовался боец, проникнутый стремлением судить верхние классы с заранее приготовленным приговором...». Жизнь не раз жестоко ранила его, «врагов у него, — по словам Чуковского, — всегда было вдоволь, и это внушало ему спокойную гордость». При своей доверчивости, душевной мягкости ему, как показывает М. Л. Слонимский, приходилось и обманываться в людях, разочаровываться в них. Все это усложняло его переживания, вызывало в нем настороженность, делало его порой суровым и жестким, но ничуть не умаляло его доброты. «Сложный характер писателя, — замечает Л. Н. Сейфуллина, — выдвигал острые углы в личном выявлении его собственной любви и ненависти. Природная душевная мягкость сочеталась в нем с жестокостью борца за политическую идею. Активная жалость к людям требовала беспощадного их изобличения. И разные люди по-разному воспринимали писателя и человека».